

Перед поднятием занавеса

Раздумье у театральной афиши

— Мы несем театру своих детей, а он пусть ставит их на ноги, — примерно так сказал один из наших драматургов, имея ввиду взаимоотношения автора пьесы и театра.

Иногда в жизни так и бывает. Багш Айдес, вот уже второй сезон работающий режиссером лезгинского театра, приютил такого «ребенка». Он обогрел пьесу «Цветок России» К. Меджидова своим теплом так, что получился в целом приличный спектакль. Интересной обещает быть другая работа этого одаренного режиссера. В июле этого года он специально ездил к бело-русскому драматургу Макаенку. Автор «Левони на орбите» дал согласие на дерзкое предложение театрального коллег. В скором времени перед лезгинским зрителем предстанет «Левон на орбите» как чисто лезгинский спектакль. С согласия автора здесь даже имена действующих лиц будут «лезгинены».

В творческом содружестве работают руководитель аварского театра с Амиром Курбановым. Драматург не упрямствует. В ходе переработки пьесы действие обретает логическое развитие, оживают герои; они как бы обретают чистый голос, индивидуальность.

Конечно, театр охотно идет на контакт с драматургом. Жадный до новых идей и тем, он готов принять даже «детей», с которыми приходится много возиться. Но было бы куда лучше, если бы драматурги приходили с собой в театр «совершеннолетних юншей». Все-таки, как ни важна работа над привязкой пьесы к сцене, главной обязанностью театра остается постановка спектакля. Практикой доказано не раз: чем больше тратится театром сил и нервов на «донашивание» пьесы, тем меньше огонька и вдохновения остается у коллектива, чтобы воплотить ее в сценических образах.

Я клоню к тому, что иные драматурги нет-нет да и спешат сплавить театру наспех написанные пьесы, где нет ни драмы, ни комедии, где царит скука. А потом на чем свет стоит ругают режиссеров, когда те разводят руками, отказываясь от приема «невывощенных» пьес.

Урожай на пьесы не мал. В истекшем театральном сезоне восемь театров республики в общей сложности поставили 13 пьес. Среди них были такие, что оставили след в репертуарном активе, в сознании и сердце зрителя. Запомнились «Цветок России», о котором уже говорилось, «Кокетки» Р. Расулова, «Ты только моя» М. Хьяева, «Кушак бездетности» Х. Авадумова, «Неправильное воспитание» Ю. Даниялова.

Пьес действительно много и, пожалуй, своеобразное развитие национальных драматургов уже сейчас стало опережающее возмужание драматургии, по сравнению, скажем, с реалистической прозой. Репертуарный голод театров велик, и многие дагестанские писатели сочувственно относятся к этому голоду. Кто знает, не это ли является одной из причин того, что довольно большая группа наших писателей мало-по-малу перебирается из поэзии и прозы в драматургию?

Но все же образно-драматическое выражение действительности остается проблемой для нашей литературы. Как ни велико общее количество написанных и поставленных пьес, идейное и эмоциональное воздействие их, можно сказать, невелико. Зритель справедливо недоумевает, не находя в

репертуаре нашего театра им. М. Горького, носящего название «Дагестанский», пьес дагестанских авторов или, во всяком случае, на дагестанские темы. Конечно, была реальная возможность дать жизнь «Горянке» Р. Гамзатова, уже идущей на сцене десяти театров страны. Но этой возможностью театр не воспользовался, а ныне вполне можно понять главного режиссера Н. Ф. Лукина, для которого поиски злободневной и яркой дагестанской пьесы никак не могут увенчаться успехом.

И тут, конечно, главная беда в одной и той же болезни роста нашей драматургии. Она, драматургия, слишком уж увлечена фельетонным показом пережитков прошлого. Она больше занята тем, чтобы изобразить, как старое борется с новым и наступает на новое, чем борьбой нового со старым. Такую расстановку борющихся сил можно было, к примеру, заметить в прошлом сезоне в пьесах М. Алиева «Ты меня не узнаешь?» и «Дочери аула» М. Сулиманова.

Был такой случай. Принес драматург пьесу в театр почитать. Через неделю другую новый драматург предложил свою пьесу. Друг у друга они не переписывали. И тем не менее обе пьесы были сшиты на одну колодку. В обеих речь шла об отбывшемся от рук сыне. Хорошие родители. Столь же хорошая квартира. Заработок отца, его звание и положение в обществе. Сын стал стилигой и туеядцем, его окружают такие же молодые люди, как он сам. Поразительно сходны в обеих пьесах даже имена героев, всякие там Жоры, Норы, Риты, Эммы, которые, став с легкой руки иных литераторов почти нарицательными, кочуют табунами из одного произведения в другое, где только изображаются стилиги. Словом, идея, коллизия, тема поставлялись фельетонами, а не живой жизнью.

Что бы хотелось пожелать тем, кто садится за стол писать пьесу? Главным образом научиться хватать зрителя за живое, воздействовать на его разум не прямо, а через сердце, чувства, эмоции.

Вспоминается недавний разговор с М. Алиевым. Он написал довольно плохую пьесу, плохую как произведение искусства. Но в те дни, когда пьесу критиковали, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о более строгом наказании взяточников. Автор воспрянул духом, стал разговаривать в высокомерно-повелительном тоне. Бы, мол, критиковали пьесу, а она, извольте видеть, посвящена разоблачению взяточника, словом архизлободневна. Конечно же, выбор темы — это очень важно. Наша драматургия полюбила современность, она, можно сказать, живет ею. Ее взоры все чаще падают на проблемы чести и бесчестия, добродетельности и аморализма, любви и ненависти на современном социально-этическом материале. Робко, но все же начинают заглядывать в ее дом и «новые люди».

Но все же хороших пьес до обидного мало. Выходу драматургии на большую орбиту мешает скорлупа семейно-бытовой замкнутости. Какую пьесу ни возьмешь, —

на первом плане проблема плохих отцов и хороших детей, ученых мужей и неученых жен. А это не дает драматургии выйти в мир больших социальных проблем, революционных преобразований, совершаемых столь блистательно под знаменем XX и XXII съездов партии.

А драматург, превращающий тему в фетиш, — лицо, я бы сказал, опасное для театра. Он опасен именно сознательной поведкой примитивизма, который начинается там, где кончается искусство.

Из многих современных советских пьес «Иркутская история» потому и привлекла широкий общественный интерес во всей стране и у нас, в Махачкале, тем, что там психологически тонко и художественно оправданно показан живой процесс перевоспитания «Вальки-дешевки», так сказать, ее душевное возмужание через муки, сомнения и страдания. «Коллеги» В. Аксенова, которыми театр им. М. Горького поднимает занавес в день открытия нового сезона, — пьеса так же во многом характерная проникновением в душу молодых людей.

О, как было бы похвально, если бы наш Союз писателей и Министерство культуры находили время для обсуждения своих и «чужих» драматических «находок» среди драматургов и хозяев сцены! Наше театральное и драматургическое хозяйство стало уже обширным и надо бы выныкнуть в процессы, происходящие в драматургии, помогать писателям овладевать новыми высотами художественного мастерства.

А. АГАЕВ.